

Екатерина
Фролова

Не Тлебом
единным...

16+

Екатерина Фролова

Не Глебом единым...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37420346

SelfPub; 2018

Аннотация

Кажется, на улицу Майи Козловой пришёл праздник. Её давняя мечта выйти замуж вот-вот осуществится. Только лучшая подруга и любимый сын Глеб не разделяют радости женщины. А вскоре сын Майи и вовсе исчезает. Что это? Протестное поведение девятилетнего ребенка или хитроумный план родного отца Глеба, появившегося в жизни Майи как гром среди ясного неба?

Содержание

I	4
II	10
III	22
IV	29
V	38
VI	47
VII	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

I

Свидание было назначено на вечер. Готовилась я к нему основательно. Светка, Ксюха и даже Глеб смогли убедить меня в том, что свидание это станет роковым и обязательно приведет меня к замужеству.

Светка была уверена в этом, поскольку полагалась на своё не ведавшее поражений женское чутье. Ксюха – потому что, будучи сестрой моего суженого, знала его как облупленного. А Глеб – в силу того, что являлся девятилетним ребенком, выросшим без отца, неистово мечтавшим о появлении такового и готовым зацепиться за любой подвернувшийся повод.

Лично я иллюзий не питала и считала, что три месяца знакомства – еще не повод назначать дату свадьбы. Но после того как Гришка загадочным тоном заблаговременно оповестил меня о предстоящем свидании в лучшем ресторане города, я тоже поверила в грядущее счастье.

Ради благополучного исхода дела Светка Антонова пожертвовала мне свое красное платье с глубоким декольте, куда я благополучно вставила бюстье с эффектом пуш-ап, которое помогла мне выбрать Ксюха в элитном магазине нижнего белья, где, кстати, пригодилась и её карта постоянного клиента с внушительной скидкой. Глеб внес лепту в создание моей прически. Как выяснилось, с плойкой он справлялся куда лучше, чем я.

Антонова притащила свою косметичку размером с сакво-ж и приступила к отделочным работам. Не обошла вниманием и маникюр.

– В конце концов, тебе сегодня на палец водрузят кольцо, возможно с бриллиантом, – рассуждала моя подруга. – А значит, и палец должен выглядеть достойно.

– Надеюсь, ты не будешь халтурить, – подколола я её, – и не только палец с кольцом, но и остальные девять будут выглядеть достойно.

Светка недовольно поморщилась, но с поставленной задачей справилась первоклассно.

Предполагая, что романтическое свидание приведет к жаркой ночи, смышлёная Антонова предложила моему сыну свои апартаменты, многоядерный компьютер и собственного мужа в качестве геймера на сегодняшний вечер. Глеб с удовольствием приманку заглотил. В итоге, мой сын отправился к подруге, а я – на свидание века.

К ресторану я подъехала на такси. На радостях переплатила водителю, после того, как тот бросил в мой адрес незамысловатый комплимент, и, благоухая антоновским «Агентом Провокатором», вплыла в чудесным образом распахнувшиеся передо мной двери ресторана.

Метрдотель проводил меня до нужного столика, где меня уже поджидал мой без пяти минут суженый и порядком ряженный Гришка. Одет он был с иголки: серый костюм, кипенно-белая рубашка и даже аккуратно завязанный галстук

– по-видимому, Ксюхина работа.

– Ты очаровательна, – улыбнулся мне Гришка.

– Спасибо, – растерялась я и отчего-то залилась румянцем.

На столе уже красовалась бутылка шампанского. Подошедший к столику официант наполнил наши бокалы и быстро обсудил меню с моим спутником. Оставшись наедине, мы с Гришкой пригубили шампанское, после чего мой ненаглядный сказал:

– Итак, Майя, сегодня мы с тобой встречаемся в такой необычной обстановке неспроста. Есть очень важный повод.

– Какой? – я невинно захлопала густо накрашенными ресницами.

– С тех пор, как мы познакомились, многое в моей жизни изменилось. Ты пробудила во мне небывалые чувства, заставила вспомнить о моём главном жизненном предназначении, вдохновила меня на свершения, в общем, – он быстро полез куда-то под стол, а я мысленно улыбнулась, приготовившись получать предложение руки и сердца с кольцом в придачу.

Однако в руках Гришки оказалась не бархатная коробочка недвусмысленного содержания, а непонятный предмет, аккуратно упакованный в подарочную бумагу и перевязанный ленточкой.

Я насторожилась.

– Это для тебя, – сказал Гришка, протягивая свёрток. – Это о тебе и благодаря тебе.

Чувствуя подвох, преподнесённый немилосердной судьбой, я осторожно взяла подарок и неуверенно развязала ленточку.

Внутри меня ожидала свежеотпечатанная книга с глянцевой обложкой, запахом типографии и . . . все. Кольца не было.

Я отложила книгу на стол, потрясла упаковку, затем снова схватила книгу и наспех перелистала страницы, всё ещё надеясь обнаружить кольцо.

Увы и ах.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на Гришку. Он счастливо улыбался.

– Ничего не заметила?

Его вопрос воодушевил меня, я опять перелистала страницы, заглянула в переплёт и даже потыкала туда пальцем – ничего.

– Посмотри на название, – посоветовал мне Гришка.

– Майская симфония, – машинально прочла я.

– Теперь на автора.

– Григорий Кириленко, – я удивлённо посмотрела на Гришку. – Ты, что ли, написал?

– Что ли, – подтвердил он. – Сборник стихов.

Я совершенно приуныла. Мало того что кольца мне не досталось, как не досталось предложения руки и сердца, так он мне ещё стихи подсунул. С детства стихи ненавижу, с тех самых пор, как в школе заставили учить какой-то невероятно длинный отрывок из «Евгения Онегина».

Гришка отобрал у меня книгу и сказал:

– Обрати внимание на название, чувствуешь, к чему это я?

– Не совсем.

– Маюш, это же твоё имя – Майя, а тут «Майская симфония», это как бы намек. Вот слушай, – он открыл книгу и прочел: – Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром...

– И днём, и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом, – не выдержала я, оборвав его на полуслове. – Ты что выпустил сборник стихов Тютчева под своим именем?

– Зайка, ну зачем ты так? – снисходительно сказал мой голубоглазый Есенин, отведя рукой светлые кудри со лба. – Послушай дальше, тебе должно понравиться.

Следующие полчаса Гришка самозабвенно цитировал мне собственные стихи, некоторые наизусть, некоторые – подглядывая в книгу. Я же вяло ковырялась вилкой в поданном мне блюде и совершенно не испытывала удовольствия ни от лирики, ни от трапезы. Только шампанское утешало меня своими сладковатыми пузырьками и ненавязчиво увеличивало содержание алкоголя в крови. Воодушевленный Гришка не заметил, как я опустошила одну бутылку и жестом попросила официанта принести ещё.

Под конец нашего застолья я уже вольготно разбросала локти по столу, подперев разгоряченное лицо руками, и бессовестно ковыряла зубочисткой во рту, не смущаясь того,

что на меня косо поглядывают посетители с соседних столиков.

Когда уставший от собственной гениальности Гришка в очередной раз поинтересовался, как мне его стихи, я молча протянула вперед руку с оттопыренным большим пальцем, выражая своё одобрение. Несостоявшийся женишок ласково потрепал меня по плечу, захлопнул сборник стихотворений, и мы засобирались на выход.

Домой я приехала в подавленном настроении. Смыв с лица косметику и распотрошив созданную величайшими усилиями прическу, я позвала Глеба, чтобы рассказать ему, что все надежды на брак с Гришкой рухнули. Он не отозвался. Я вспомнила, что сын ночует у Антоновой, и, тяжело вздохнув, отправилась спать. Прямо в одежде, как и положено всякой пьяной и разочарованной в жизни женщине.

II

Первой мне позвонила Ксюха. Она уже обо всём знала. Признаться, расстроена она была куда больше, чем я сама. Разумеется, разочарование не обошло меня стороной, но убиваться по поводу своих нереализованных мечтаний я не додумалась. Ксения же искренне полагала, что мученический голос, которым я поприветствовала ее по телефону, стал результатом моих страданий из-за не полученного мною предложения руки и сердца. Несостоявшаяся золовка не знала о том, что моя головная боль была следствием банального перебора со спиртным.

Вознамерившись привести меня в чувство и исцелить моё израненное сердце от чёрствости ясноокого Есенина, Ксюха решила устроить небольшой девичник. Честно говоря, смысла в этом мероприятии я не видела, да и после вчерашнего голова раскалывалась так сильно, что думать об очередном распитии спиртного (а какой девичник, спрашивается, без этого?) не хотелось ни под каким предлогом. Но под натиском подруги я со скрипом сдалась. Положив телефонную трубку на рычаг, я с еле сдерживаемым стоном перевела своё возмущённое тело в вертикальное положение и поплелась в ванную.

В зеркале меня встретило измученное донельзя существо с распухшим носом и отёкшими глазами. Существо вздох-

нуло, поприветствовало меня кривой улыбкой и принялось чистить зубы. Похмелье мне определенно не к лицу. Вот Антонова после пьянки всегда выглядит на удивление привлекательно: трогательная мордаха подружки с припухшими губами умиляет окружающих и вызывает здоровое сочувствие. Я же в теперешнем своем состоянии могла вызывать не менее здоровое отвращение.

Холодный душ и чашка крепкого кофе вернули меня к жизни. Гудение в голове стихло, тошнота отступила. Откуда-то даже взялись силы на то, чтобы заняться своими домашними делами.

В полдень пришли Глеб и Антонова. С блестящими глазами и страждущими ушами они окружили меня и приготовились услышать подробности вчерашнего вечера. Антонова нетерпеливо схватила сначала одну мою руку, потом вторую, но, не обнаружив кольца, растерянно уставилась на меня. Говорить о своём провале мне не хотелось, поэтому, недолго думая, я взяла с журнального столика небрежно брошенную книгу и протянула подружке.

– Вот, – сказала я. – Весь сыр-бор из-за этого.

Пока Антонова вертела в руках Гришкины манускрипты, я успела вскипятить чайник и приготовить себе бутерброд. Оправившись после утреннего похмелья, я всё же пришла в себя и уже была способна порадовать свой желудок небольшим перекусом.

– Ничего не понимаю, – Антонова передала сборник сти-

хов моему сыну, тот сдвинул брови и приступил к изучению Гришкиных трудов. – Он устроил всё это представление только ради этого?

– Знаешь, Антонова, по-моему, это не он устроил представление, а все вы. Зачем-то убедили меня, что мне угрожает предложение руки и сердца, в то время как человек просто пригласил меня в ресторан. Ты мне руки два часа маникюрила, Ксюха в бельё дорогущее обрядила... И все ради сорока восьми стихов и одной маленькой поэмки.

– Ну, и что думаешь делать?

– За меня как всегда всё придумали, – фыркнула я. – Ксюха уже распланировала на сегодня девичник, будем глушить коктейли и перемывать косточки Гришке.

– Почему меня не пригласили? – нахмурилась Антонова.

Я прикусила язык. Да, пожалуй, неловко вышло. Ляпнуть подруге о девичнике, на который пойду без нее. Нехорошо.

– Ладно, не напрягайся, а то лопнешь, – сухо сказала Светка, заметив мои потуги. – Эта стерва даже на свои похороны меня не пригласит.

Это она о Ксюхе. Почему-то вышло так, что отношения между Гришкиной сестрой и моей подругой не сложились изначально, а потом, ко всему прочему, добавился чайник. На Новый год обе подарили мне по чайнику. Когда приходила Ксюха, я демонстративно выставляла на всеобщее обозрение её подарок, когда гостевала Светланка – делала кипяток в её чайнике. Но однажды они явились обе, и тут я попалась.

Ксюха гордо промолчала, Антонова по обыкновению устроила скандал. Потом спохватилась, конечно, но осадочек-то остался. С тех самых пор отношения между моими подругами как-то совсем испортились.

Зная взрывной характер Антоновой, я уже приготовилась выслушать её пылкую речь на тему: «как ты можешь идти на какой-то там девичник и делиться своими секретами и переживаниями с чёрт знает кем, а не с лучшей подругой!»! Но Светка... промолчала! Я, естественно, заподозрила неладное.

– С тобой все в порядке? – настороженно спросила я.

– Да, – просто ответила Антонова.

«Наверное, всё-таки обиделась», – подумала я и, чтобы как-то разрядить обстановку, сказала:

– Чайку хочешь? – и тут же снова прикусила язык. На столе стоял электрический чайник, подаренный Ксюхой. Бедная Антонова, наверное, решила, что я над ней издеваюсь.

Но Светка опять ничего не сказала, только кивнула в знак согласия.

Я заварила ей чай и осторожно спросила:

– Как дела у мужа?

– Всё хорошо, Игорёк как всегда в бизнесе по самую макушку. Нашёл себе какого-то нового юриста, доволен им до жути. Целыми днями с ним таскается, дела какие-то решает. А я вот... Одна.

Меня опять замучили угрызения совести.

– Хочешь, я никуда не пойду? – решительно сказала я. – На фиг нужен мне этот девичник?

– Да ладно, иди, – махнула рукой Светка, шумно отхлебывая горячий чай. – Развейся, поговори с этой... – Антонова почему-то не смогла озвучить имя Гришкиной сестры. – В конце концов, она знает о твоём поэте-самоучке куда больше, чем я, может, дельное чего скажет.

– Думаешь?

Антонова не успела ответить. В следующий момент раздался восторженный голос моего сына:

– А я ошибку нашёл! – Глеб влетел в кухню довольный, как слон, и протянул нам книгу. – Вот, написано: «дует», а должно быть «дуэт».

Я непонимающе захлопала ресницами.

– Ну, мать, – с недовольным лицом принялся объяснять Глеб, – здесь по смыслу должно быть существительное, вот: «наш маленький дуэт», а Гришка написал «дует», а это уже глагол. Ну, типа, ветер дует. Поняла?

Антонова потрепала Глеба по голове.

– Смотри, Майка, какой сын у тебя соображалистый, наверное, в отца.

Я недовольно фыркнула. Нет, всё-таки Антонова явно на меня обиделась, иначе, с чего бы ей портить мне настроение. Впрочем, на этот раз сердиться на Антонову у меня не хватило совести, в конце концов, я сама её спровоцировала.

В семь часов я отправилась в клуб, где договорилась

встретиться с сестрой Гришки. Я предвидела, что и сама Ксюха, и её подруги будут разряжены в бриллианты и лаковую кожу, но противопоставить этому ничего не могла. Да и, признаться, не желала. Выглядеть мне хотелось настолько, насколько я себя чувствовала, а чувствовала я себя скверно. Вот и пришлось ограничиться простенькими джинсами и бывалой водолазкой. В результате, когда я оказалась на месте, охранник заведения усомнился в том, что я попала по адресу, мягко намекнув, что таких, как я, здесь не ждут. Меня выручила Ксюха. Она появилась на пороге клуба именно в тот момент, когда глаза мои наполнились слезами, а губы тяжело отвисли и против моей воли задрожали.

– Маюша, идём, у нас здесь с девочками заказан столик, – пролепетала Ксения, быстро втянув меня внутрь.

Девочек, как выяснилось, было двое: Сюзанна и Верочка. Вторая понравилась мне значительно больше, чем первая – видимо, из-за имени. К именам подобного рода у меня предвзятое отношение, да простят меня все Элеоноры, Эльвиры, Снежаны и Анжелы, но слишком часто такие имена берут себе в качестве рабочего псевдонима простые Мани и Дуни, которые не могут оставить себе своё родное имечко ввиду его неблагозвучности, а вот вести себя непристойно и вульгарно – могут.

Итак, Сюзанна произвела на меня негативное впечатление. И дело не только в имени. Было в ней слишком много пафоса и надменности. На меня она с самого начала по-

смотрела презрительно, не лучше, чем охранник, с которым мне довелось пообщаться ранее. Она то и дело наматывала на указательный палец с вызывающим маникюром свои очевидно наращенные волосы и периодически зарывала обильно припудренный носик в пышный мех ни в чем неповинного животного, которым некие живодёры, именующиеся модельерами и дизайнерами, оторочили её элегантный жилет.

Верочка выглядела не так броско: коротко стриженные русые волосы, очки в стильной оправе, крупный бриллиант на пальце (пообщавшись с Ксюхой, я уже научилась отличать бриллианты от других камней) и клатч из натуральной кожи на длинной цепочке, протянутой от левого плеча к правому бедру.

Ну конечно, я понимала, что я не того поля ягодка, что все эти девушки, включая Ксюшу, но в обществе подруги я никогда не чувствовала себя скованно, несмотря на огромную разницу наших социальных слоёв. А вот сегодня ощутила это различие необычайно остро.

Правда, после пары бокалов неизвестных мне коктейлей ситуация заметно изменилась. Стальной блеск в глазах осторожной Сюзанны ушёл, да и у меня на сердце, признаться, потеплело.

Учуяв приближение антициклона в нашей женской атмосфере и поняв, что нужный момент настал, Ксюха поделилась со своими подругами историей о своём непутевом брате и несчастной мне и попросила совета.

– Ты сто лет ничего о Гришке не рассказывала, – покачала головой Верочка.

– А я вообще впервые слышу, что у тебя есть брат, – посоветовала Сюзи.

– Ты же пару месяцев назад приехала, – напомнила Ксения, – а Гришка в последнее время вёл себя вполне прилично и, как мне казалось, был неплохо пристроен. Чего о нём рассказывать-то? А вот теперь время пришло.

– Послушай, Ксень, – начала Верочка. – Если хочешь знать моё мнение, то Гришке ещё рано жениться, тебе должно быть достаточного того, что он уже был женат. И чем всё закончилось?

– А ты вспомни, на ком он был женат, – скривила гримасу Ксюша. – В его случае развод мы отмечали куда с большим размахом, чем свадьбу. Тогда ему просто попалась непутёвая баба, теперь же речь идет о Майе, – и она сделала приглашающий жест в мою сторону.

– А я вообще никакой проблемы не вижу, – пожала плечами Сюзанна, намотав на палец блондинистую прядь. – Вы хотите, чтобы Гриша сделал предложение после трёх месяцев знакомства, ну это же смешно! Я со своим благоверным второй год как с писаной торбой ношусь, а он всё никак не созреет. Я за ним из Питера в эту Тьмутаракань припёрлась... – Сюзи запнулась. – Девочки, извините, не хотела никого обидеть, просто накипело. Мой парень... Вообще-то, он раньше жил здесь, потом переехал в Питер, мы там и познакоми-

лись, жили в отдельной квартире, которую моя бабушка мне в наследство оставила. Мой парень работал в одной юридической конторе, неплохо, кстати, зарабатывал, но нет, решил он заняться частной практикой, и почему-то потянуло его сюда. Не понимаю, – Сюзи нахмурилась. – Все нормальные люди из провинции в столицу рвутся, пусть даже в северную, а этот...

Сюзанна махнула рукой и потянулась к бокалу с мартини. Ксюха тоже подняла свой бокал.

– Девочки, – сказала она, – предлагаю выпить за нас.

Мы все четверо звонко грохнули бокалами и осушили их до дна.

– Не забивайте себе голову, – напомнила о себе Верочка. – У вас хотя бы есть парни, а у тебя, Ксения, даже муж и чудесная дочка. А я, похоже, вообще одна на всю жизнь останусь.

– Почему такой пессимизм? – озадачилась Ксюха. – Ты же только недавно с каким-то студентом мутила, неужели поругались?

– Он ушёл от меня. Познакомился на боулинге с какой-то мадемуазелью и сделал ручкой.

– Ох, уж этот боулинг, – вставила Сюзи. – Мой тоже там вечно пропадает, говорит, что встречается с клиентами и нужными людьми, так сказать, вне рабочей атмосферы, а если он там с девками?..

– Да бросьте, – рассмеялась Ксюха, – боулинг – отличная вещь. Я там своего Серёжу встретила, раньше мы частень-

ко туда захаживали, пока я пару раз ногтей не лишилась, а потом чуть обручальное кольцо не посеяла, – она рассмеялась. – Столько курьёзов на этом боулинге бывало.

Я судорожно соображала, что бы такое вставить в разговор. Получалось так, что я уже добрых полчаса глупо молчала и не понимала, о чём треплются мои собеседницы. На боулинге я ни разу не была, представляла это развлечение весьма смутно, знала о нём кое-что из рассказов Антоновой. Она со своим Игорем тоже любила повалять кегли и поломать ногти, причем не только себе. Как-то раз к Игорьку подкатила какая-то девица и похвалила за хороший удар, так Антонова от неё даже мокрого места не оставила и после этого, кажется, запретила Игорю навещать в боулинг-клуб. Это была единственная история о боулинге, которую я знала, но рассказывать её во всеуслышание почему-то показалось нетактичным.

– Итак, всё-таки предлагаю вернуться к моему брату, – напомнила Ксюха. – Сейчас вопрос его женитьбы волнует меня больше всего. Не знаю, много или мало три месяца для Гришки, но для меня вполне достаточно, и я хочу, чтобы он непременно сделал Майе предложение. Так как мне его к этому подтолкнуть?

– То, что тебе безразлично, хочет твой брат сам этого или нет, я уже поняла, – усмехнулась Верочка, – а вот хочет ли этого Майя? – загадочно сказала она, и все трое уставились на меня.

– Я? – вопрос поставил меня в тупик. – Я об этом не думала.

– Что значит – «не думала»? – изумилась Ксюха. – Разве ты не ждала, что на этом свидании Гришка сделает тебе предложение?

– Не знаю, – растерялась я. – Вы все меня убедили, что Гришка попросит моей руки, но сама я об этом еще не успела подумать.

– Не скромничай, – не поверила Ксюха, – наверняка ты думаешь об этом уже с первого дня вашей встречи, ну да ладно, это неважно. Важно другое: вы с братом – два взрослых и самостоятельных человека, и вам уже давно пора жить вместе. У тебя должен быть муж, у твоего сына – отец, а рядом с Гришкой должна быть такая женщина, как ты: добрая, понимающая, надёжная и, что самое важное для мужчины, – превосходный повар.

– Ты работаешь поваром? – удивилась Верочка.

– У тебя есть сын? – перебила её Сюзанна.

– Да-да-да, – ответила им вместо меня Ксюха – Но это второстепенные детали. Главное – вы с Гришкой должны в скором времени пожениться. Я чувствую это.

– Если ты так хорошо всё чувствуешь, – рассердилась я, – тогда скажи, пожалуйста, почему он не спешит с предложением?

– Каким предложением, Майя? – упрекнула меня Сюзи. – Человек тебе стихи посвятил, назвал твоим именем свой ав-

торский сборник, подарил часть своей души...

– Всё это, конечно, хорошо, – перебила её Ксюха, – но Гришке уже не шестнадцать лет, да и Майе, кстати сказать, тоже. Хочется, чтобы романтика была подпитана чем-то более весомым.

– Знаете, девочки, – сказала Верочка. – Самый лучший способ вынудить мужчину перейти к решительным действиям – это заставить его нервничать...

– То есть ревновать? – подхватила её мысль Ксюха.

– Именно!

– Но главное не переборщить, – предупредила Сюзи, дав понять, что опыта у неё в этом вопросе – завались, и она с удовольствием им поделится.

– Девочки, – простонала я. – Это не мой метод. У меня с одним-то мужчиной проблемы, где же мне ещё найти другого?..

– Это уже нюансы, – отмахнулась Ксюха. – Важно разработать стратегию, а уж средства для её реализации найдутся, – она жестом руки подозвала официанта и заказала бутылку текилы.

Думая, что это очередной слабоалкогольный коктейль, я жадно набросилась на заморский напиток, а когда поняла, что вставляет меня не по-детски, было уже поздно.

III

Новое утро было встречено очередным похмельем. И всё бы ничего, не опаздывай я на работу. Я наспех собрала Глеба в школу, засунула в рот таблетку обезболивающего, кое-как привела себя в порядок и двинулась в путь. Дорога на работу показалась бесконечно долгой. В автобусе меня незамедлительно затошнило, из-за чего пришлось выскочить на первой же остановке и в строчном порядке искать кусты. Освежившись минералкой, я кое-как доплелась до работы, едва не опоздав к началу смены. Первую половину дня меня мучило и отчего-то знобило, но после обеденного перерыва я немного пришла в себя. Правда, в процессе приготовления котлет едва не отправила на фарш каким-то неизвестным образом попавшего на кухню кота, но вовремя спохватилась и не допустила непоправимого. Кота с криками и шиканьем погнали на улицу мои товарки. Несчастливая животина умчалась прочь: голодная, но живая и даже, кажется, здоровая. Пока другие повара гонялись за котом, я незаметно спрятала в сумку приготовленный заранее пакет с картофельными зразами, оставшимися от обеда. Ближе к концу дня на работу позвонил Гришка, назначил на завтра свидание и, поинтересовавшись, как мои дела, весело попрощался. Похоже, о нашем девичнике он ничего не знал.

Вернувшись домой, я застала Глеба сидящим возле теле-

визора с пультом в одной руке, бутербродом – в другой и с фломастером во рту.

– Ты ничего не перепутал? – рассмеялась я, вытащив фломастер и запихнув в освободившийся рот батон с криво прилипшими кусочками ливерной колбасы.

Глеб дернул головой и непонимающе уставился на меня.

– А? Чего?

– Глебчик, что с тобой? – подивилась я рассеянности сына: обычно он у меня такой собранный и сосредоточенный, что самой впору пример брать. – В школе всё в порядке?

– Да-да, – поспешно ответил Глеб, приходя в себя. – Тебе, кстати, Светка звонила. Перезвони, – он нырнул носом в принесённые мною сумки. – Спёрла что-нибудь с работы?

– Глеб, что за выражения! – осадил я сына, вырвав из его рук сумку и достав оттуда пакет с провиантом.

– Отлично, – порадовался Глеб, отложил в сторону бутерброд и впился зубами в сочную картофельную котлету.

Мой сын обладает особым умением поглощать еду. Он с таким воодушевлением берётся за это дело, что моя душа повара ликует и трепещет. Хочется снова надеть фартук и встать у плиты. Если бы Глеб вместе со мной отправлялся на смену, моя производительность выросла бы в разы.

Пока мой сын разделялся с картопляниками, я набрала номер телефона Антоновой и поудобнее устроилась на диване.

– Але, Козлова, это ты? – заголосила трубка Светкиным

ГОЛОСОМ.

– Я.

– Ну, как там твоя вечеринка прошла?

Я вкратце передала подруге суть вчерашней беседы и поведала о нашем плане.

– Хочешь вызвать у писаки ревность? – прямолинейно поинтересовалась Антонова.

– Не то чтобы хочу, но девочки советуют.

– Уж больно твои девочки много понимают, – буркнула Антонова. – Такое может посоветовать только человек, который тебя совсем не знает. Ты у нас дама проблемная, чтобы мужик на тебя кинулся, да ещё и отбивать у Гришки стал, так это только после предоплаты.

– Антонова! – возмутилась я. – Да как у тебя язык поворачивается?!

– Непринуждённо, – парировала Антонова. – Я с языком дружу, можно даже сказать, владею им в совершенстве.

– Головой ты не владеешь, – рявкнула я. – Такта у тебя ни грамма.

– Я же подруга, – отозвалась Антонова, – кто же, кроме меня, тебе в лицо правду скажет, только за спиной похихикают, а я – всё начистоту. И вообще, Козлова, не советую я тебе этой ерундой заниматься, есть у тебя делишки поважнее.

– Например, – мрачно поинтересовалась я.

– Вместо того чтобы за мужиком бегать, лучше бы сыном

родным занялась.

– В смысле? – я моментально упала духом и посмотрела на Глеба.

– Ну, ты знаешь, мы на переменах иногда с другими учителями разговариваем, обсуждаем наших подопечных, так вот у Глеба у твоего есть проблемы.

– Какие проблемы? Почему я ничего не знаю?

– Потому что бухаешь через день и личную жизнь всю устраиваешь! – беспощадно гаркнула Антонова, но тут же сменила гнев на милость и мягким голосом добавила: – Но не переживай, у тебя есть я. Я же не просто твоя подруга, но и крёстная Глеба, поэтому тоже должна о нём заботиться. Вот я и позаботилась.

– Что это значит? – пробормотала я с большим унынием.

– У Глеба трудности с математикой. Ты с точными науками ещё в школе не дружила, вряд ли сейчас ты с ними на «ты», так что я нашла нашему мальчишке репетитора.

– Но...

– По поводу материальной стороны вопроса не беспокойся, расходы возьму на себя. Тем более что математик – мой хороший друг и сделал мне скидочку. Согласись, на ребёнке нельзя экономить.

– Но...

– Это не займет много времени, после школы будет задерживаться пару раз в неделю, не больше. Скоро конец учебного года, нужно Глебку подтянуть.

– Но...

– Да какие тут могут быть «но», Козлова!

– Но почему Глеб сам мне ничего не сказал? – я уже и не думала, что получу право голоса. В этот момент раздался непонятный грохот. Это Глеб, сидевший возле телевизора, выронил пульт и в ужасе уставился на меня.

– Ну, ты же мать, – объяснила Светка, – ты ругать будешь, а он не хотел тебя расстраивать, а потом, признаваться в своем тугодумии не каждый ребёнок захочет.

– Глеб не тугодум, – запротестовала я.

– Нет-нет, конечно, – согласилась Антонова, – слава богу, в тебя он не пошел, а значит, всё не так плачевно. Не переживай, Козлова, несколько месяцев занятий с репетитором сделают из пацана великого математика. Я уже договорилась назавтра, так что всё пучком. Ну ладно, некогда мне лясы точить, Игорёк зовет, так что покедова, – и она отключилась.

Я положила трубку на рычаг и устало посмотрела на Глеба:

– У тебя проблемы с математикой?

– Ну, – неуверенно ответил сын.

– Завтра идешь к репетитору?

Глеб судорожно сглотнул:

– Ага.

– Мне кажется, или ты действительно чем-то напуган? – я внимательно вглядывалась в лицо сына, не понимая, чем вызвано его беспокойство. – Думаешь, я буду тебя ругать?

Глеб молчал.

– Ну что ты, сынок? – я ласково потрепала его по голове. – Хочешь, я сама схожу в школу и поговорю с твоим учителем? Если нужно, я оплачу дополнительные занятия.

– Нет! – встрепенулся Глеб. – Светка уже получила анонс и внесла предоплату.

– Ты имеешь в виду аванс? – уточнила я.

Глеб неопределенно пожал плечами. Я занервничала. Моего сына не так просто выбить из колеи, а сейчас он казался растерянным и подавленным. Путал слова, заикался, как виноватый на допросе. Неужели проблемы с учебной настолько велики? Или мой Глеб что-то от меня скрывает?

Телефонный звонок прервал нашу беседу. На этот раз звонил Гришка.

– Ужасно соскучился, – пропел в трубку мой ясноокий Есенин.

– Я тоже, – машинально ответила я. – но ничего, завтра увидимся.

– Я как раз звоню по этому поводу, – сконфуженно ответил Гришка, – понимаешь, так получилось, что завтра состоится презентация моей книги. Это так неожиданно вышло. Областная библиотека проводит важное культурное мероприятие, и вот один писатель по каким-то причинам отказался, место освободилось... В общем, я завтра не смогу, но если у тебя получится прийти, я буду...

– Гриша, извини, но я не могу, – сухо оборвала его я.

Конечно, я могла бы бездарно потратить кучу драгоценного времени, просвещаясь в какой-то там библиотеке, но, честно говоря, Гришка своим известием меня разозлил. Наверное, сказалоь напряжение последних дней, плюс ещё это нежданное открытие о школьных успехах, а точнее неудачах, сына, в общем, настроение у меня было прескверное. Гришка заметил перемену в моем голосе, попытался что-то сказать, но я ему не позволила. Прохладно попрощавшись и пообещав позвонить завтра, я положила трубку.

IV

Следующая неделя была поистине суматошной. Я не встречалась с Гришкой, не следила за успехами Глеба и практически не перезванивалась со Светкой. Внезапный прорыв трубы в ванной перечеркнул все мои планы. Вместо того чтобы заниматься своей личной жизнью и воспитанием сына, я ругалась с соседями, с начальством на работе, не желавшим давать мне отгул, и с сантехником из ЖЭКа, который мог заняться трубами только в моё рабочее время. В итоге ко мне приехала мама, которая разрешила все мои проблемы с трубами, соседями и сантехником и, установив в моём доме мир и порядок, умчалась восвояси.

Это был первый спокойный вечер. Я сидела перед телевизором, Глеб лежал на диване и грыз яблоко.

– Как твои успехи с математикой? – поинтересовалась я.

– Нормально.

– Как репетитор?

Глеб задумался.

– Он тебе нравится или нет? – уточнила я.

– Пожалуй, да, – поколебавшись, ответил сын. – Он очень хорошо всё объясняет. Мы только два раза позанимались, а у меня уже на этой неделе «пятёрка» по математике.

– Здорово! – обрадовалась я. – Значит, он действительно классный учитель.

– Да, классный, – подтвердил Глеб. – Мужик что надо.

– Может, мне стоит с ним встретиться, как-то странно, что с ним ведёт дела Антонова. Я понимаю, что ей проще, но я всё-таки твоя мать, вдруг учитель подумает...

– Не подумает, – оборвал меня Глеб. – Какое ему дело до всего этого? Главное – математика, – и сын заискивающе посмотрел на меня.

– Ну да, разумеется, – пробормотала я, чувствуя непонятную тревогу и неумолимое желание выведать что-то у Глеба, но не зная, что именно.

Телефонный звонок вывел меня из задумчивости. Звонил Гордеев, в смысле Игорь – Светкин муж, брать фамилию которого Антонова в своё время категорически отказалась.

Признаться, я была немного удивлена. Не то чтобы мы с Игорем никогда по телефону не разговаривали, разговаривали, конечно, но, как правило, после предварительной беседы с Антоновой. Просто так, без повода, мы обычно не созванивались, так что моё удивление было оправданным.

После скупого приветствия Гордеев сказал:

– Майя, я хотел поговорить с тобой о Свете.

– Слушаю, – с готовностью отозвалась я.

– Ты не замечаешь, что с ней что-то не то?

– Как-то не обратила внимания, а что тебе кажется странным?

– Ну, она какая-то вялая, меланхоличная. Уже несколько дней оставляет меня без ужина и, по-моему, даже не заме-

чает этого. Сегодня собиралась отправиться к тебе, но перед встречей решила обойти все магазины женской одежды и салоны красоты, объяснив это тем, что у нее, видите ли, депрессия, и ей нужно развеяться. Почему у нее депрессия, я не понял, думал, ты знаешь.

– Не знаю, – удивилась я. – Игорёк, у меня последние деньки выдались напряженные, я, может, что из виду упустила, но если Антонова сегодня придёт ко мне, то непременно у неё всё выведаю.

– Только ничего не говори ей о моем звонке, ты же Свету знаешь, – вздохнул Игорь.

– Знаю-знаю, – подтвердила я. – Можешь не объяснять.

Распрощавшись с Игорем, я не успела отойти от телефона, как он зазвонил снова. Это была сама Антонова. Бодрым голосом сообщила мне, что будет через десять минут. Я искренне попыталась уловить в её интонациях меланхолию, но тщетно. Ну, что ж, через десять минут мне предстояло выяснить, в чём дело, а пока...

Я не успела собрать мысли в кучу, как телефон опять подал признаки жизни.

– Прямо как в Смольном, – буркнул Глеб, делая телевизор громче. Я заткнула одно ухо пальцем, а к другому приложила еще не успевшую остыть трубку.

– Маюшечка, – защebetала трубка голосом новоиспеченного поэта. – Как ты там, радость моя? Не звонишь совсем.

– Дела были, – сухо ответила я.

– Ясно, – ласково отозвался Гришка и безо всякого перехода принялся сыпать подробностями недавнего бенефиса.

– Рада, что все прошло удачно, – прервала я его монолог, бросив взгляд на часы.

– Да-да, – подтвердил Гришка. – Не просто удачно. На мероприятии присутствовала руководитель отдела культуры. Так вот, она предложила устроить вечер поэзии в эту субботу. Я оказался в числе приглашённых, представляешь? Буду читать стихи, делиться опытом, отвечать на вопросы поклонников...

– Гришка, ты о чём? О каких поклонниках ты говоришь? А опыт? По-моему, тебе самому не мешало бы его поднабраться.

– Нет-нет, – запротестовал Гришка. – Если всё правильно обставить, то уже можно говорить и об опыте, и о поклонниках, и о... музе моей. Надеюсь, муза порадует меня своим присутствием?

Я немного растерялась.

– Даже не знаю.

– Да брось, Майя, суббота – выходной день. Бери Глеба, и приходите на вечер вдвоём, я еще Ксюшку приглашу, вам не будет скучно. А потом, как может быть скучно, если я буду читать стихи о тебе? Ведь так?

– Так, – нехотя согласилась я, ломая голову над тем, почему подобная перспектива не вызывает во мне умиления и чувства гордости, а наводит на мысли о нудном, неинтерес-

ном и бездарно растроченном выходном дне.

– Вот и отлично, – обрадовался Гришка. – Я тебе ещё предварительно позвоню перед мероприятием, сейчас пока увидеться не получится, буду готовиться к выступлению, хочется почувствовать себя перед публикой уверенно, так что...

– Я поняла, – быстро сказала я. – Готовься, и до скорого.

Опустив трубку на рычаг, я тяжело вздохнула.

– Глеб, – обратилась я к сыну, – Гришка приглашает нас в субботу на вечер поэзии, ты как?

– Не могу, – не думая, отозвался сын.

– Почему? – растерялась я.

– У меня репетитор.

– В субботу?

– Да, мам, на следующей неделе итоговая контрольная, скоро четверть закончится, помнишь? Так что нужно готовиться в ускоренном темпе.

– Я не хочу идти одна, – призналась я.

– Возьми Светку, – посоветовал Глеб. – Поржёте вместе.

– Глеб! – осаждала его я, но согласилась с тем, что идея взять Антонову вовсе недурна. Но ведь там будет Ксюха, а они со Светкой...

Звонок в дверь оторвал меня от этих мыслей и привёл в чувство.

Антонова вплыла в комнату мрачнее тучи. Еще десять минут назад, разговаривая с ней по телефону, я была уверена в её приподнятом настроении, а теперь даже не знала, что и

думать.

– В чём дело? – спросила я, усаживая подругу на диван.

– Ты не поверишь, – простонала Антонова. – Ещё две недели назад заприметила в одном бутике платье Оскара из последней коллекции...

– Кто такой Оскар? – опешила я.

– Ты всё равно не знаешь, – отмахнулась Антонова. – Короче, я ещё тогда его примерила и сразу поняла, что это – моё. Игорёк мне в тот раз денег не дал, пришлось уговаривать его полмесяца, и что в итоге?

– Что?

– Теперь, когда у меня появились деньги, выяснилось, что я в это платье не влезаю. Майя! Всего-то за две недели я превратилась в жирную корову!

Я смотрела на Антонову во все глаза. Слышать от подруги подобные речи было странно, ещё более странно было видеть то, как она убивается из-за пары лишних килограммов. Не то чтобы Антонова не следила за модой и за собой, нет, шмотки она любила и собой любовалась с завидной регулярностью, но факт в том, что любила она себя такой, какой была: пухленькой, аппетитной, румяной. Честно говоря, своими формами она даже гордилась и порой намекала мне на то, что моя проблема с мужиками как раз и заключается в том, что у меня, видите ли, не за что подержаться, а вот у Антоновой... Да что уж тут говорить, аппетитная Антонова с копной огненных волос и ярко выраженными выпуклостями купалась

в мужском внимании не меньше, чем до замужества, а может, и больше. И вот теперь слышать от нее подобное...

Да, пожалуй, Игорь прав, со Светкой творится что-то странное.

Я напоила подругу ромашковым чаем, угостила шоколадкой, от которой уже успел умыкнуть кусочек Глеб, и стала потихоньку выяснять у Антоновой обстоятельства последних нескольких дней, за которые она успела так измениться. Антонова долго не кололась, а потом внезапно спросила:

– Тебе не кажется, что со мной что-то не то?

– В каком смысле? – опешила я от её прямолинейности.

– Я какая-то раздражительная, депрессивная, – Антонова понизила голос. – Мне думается, я чем-то больна.

– Господи, Светка, ты чего! – испугалась я.

– Не знаю, предчувствие какое-то.

– Брось ты эти свои предчувствия, тебе просто надо развеяться, отдохнуть, ну и, может быть, немножко похудеть.

Антонова скривила недовольную гримасу.

– Хотя я считаю, – быстро поправилась я, – худеть необязательно, а вот развеяться стоит. Меня тут Гришка на свой поэтический вечер пригласил. Не хочешь составить мне компанию?

– Поэтический вечер? – настроение Антоновой тут же поднялось. – Не рановато ли ему такими словами громкими раскидываться? Или он думает, что состряпать пародию на известные шедевры – это уже подвиг?

– Ну, хватит ёрничать, – одернула её я без особого энтузиазма. – Я сама-то не слишком питаю иллюзии на этот счет, но раз уж его так проперло, почему бы не поддержать парня.

– А что, – поразмыслила Светка, – может, это и неплохая идея. Думаю, нам с тобой точно будет весело, – Антонова против воли заулыбалась, но внезапно схватилась руками за голову и помрачнела. – Что-то дурно мне, Козлова, похоже, я реально хватанула какую заразу. Мне нужен отдых, свежий воздух и здоровое питание. Знаешь, я уже намекнула Игорю-ку насчет недельного отпуска где-нибудь за бугром, например, в Италии. Мне не повредит перемена климата, а потом я уже давно никуда не выбиралась.

– Да, наверное, ты права.

– Конечно, права, чего тянуть? Через две недели каникулы в школе, надо быстренько путёвочку оформить и... – тут Антонову осенило. – Слушай, Майка, а почему бы нам с Игорем не прихватить с собой Глеба?

– То есть? – моментально насторожилась я.

– Ну, почему бы ему не отдохнуть вместе с нами? Где он у тебя бывал вообще? Ничего кроме четырёх стен не видел. Ты его даже на море ни разу не возила.

– Да когда я сама там была, на этом море? – насупилась я. – В двенадцать лет? Или в одиннадцать?

– Тем более. Сейчас Глеб у тебя ударно учится, ему тоже нормальный отдых нужен. Я знаю, ты со мной его за границу побоишься отпускать, но уж Игорю ты это дело наверняка

доверишь. Он точно за Глебом уследит. А мы будем на всякие экскурсии ходить, побываем в интересных местах, Глеб хоть мир посмотрит немножко.

– Я не знаю даже... – окончательно растерялась я. – Ты и так для Глеба много делаешь, мне как-то неловко.

– Чего там неловко, – отмахнулась Антонова. – Пока есть возможность, надо пользоваться!

– Звучит, конечно, хорошо, – пробормотала я. – Но надо подумать.

– Чего тут думать! – разозлилась Светка. – Нам ещё бумаги на него надо оформить, разрешения там всякие, а времени мало остается.

– Нет-нет, – категорично заявила я. – Нужно всё взвесить, я не могу так просто сына за какой-то там бугор неизвестно с кем... – начала было я, но тут же, увидев скулсившееся лицо Антоновой, быстро поправилась, – в том смысле, что без моего чуткого материнского глаза отправить на целую неделю.

– Ладно, – смирилась Антонова. – Думай до выходных, мы как раз с тобой в субботу на тусовке поэтов встречаемся. Обмозгуй это дело, хотя чего там обмозговывать, – Антонова опять схватилась за голову, а потом за сердце, но передумала и снова схватилась за голову. – Чего-то мне нехорошо, – пролепетала она. – Вызову-ка я такси и поеду домой. Может, до субботы пройдет.

V

Когда мы вошли в зал, то тут же увидели Ксюху в сопровождении Сюзанны. Обе синхронно нам помахали. Мы с Антоновой переглянулись и после её одобрителного кивка двинулись к ним. Признаться, я не ожидала увидеть Сюзи здесь, не понимаю, зачем Ксюха её притащила, наверное, затем, зачем я привела Антонову – чтобы не умереть со скуки. С другой стороны, подруг в Ксюхином окружении было немало, почему она выбрала именно Сюзанну, а не милую и скромную Верочку, мне было не ясно. Может, дальновидная Ксения предпочитала держать строптивую Сюзи на виду, под своим бдительным контролем, а может, этих двух барышень связывали куда более близкие отношения, чем мне казалось.

Сюзи снова была обряжена в мех несчастного пушного зверька, Ксения облачилась в тонкое трикотажное платье с широким поясом, на руке – изящный браслет из белого золота и массивная цепочка на загорелой шее, на голове – аккуратно заплетённый «колосок». Я, как всегда, красовалась в водолазке и джинсах, а вот Антонова... Антонова блистала во всех смыслах этого слова. Кажется, она собрала дома всю фольгу и, не экономя на материале, щедро ею обмоталась. Мало того что она нашла в своем гардеробе невероятно облегающее платье, переливающееся всеми цветами радуги, так ещё и украсилась сверкающими туфлями, сумкой, а в

шевелюру запахнула серебристую заколку размером с праздничную кулебяку. Короче, Антонова была похожа на обёртку от шоколадной конфеты: яркая, ослепительная и приторно-сладкая.

Я увидела, как Сюзи и Ксюха о чем-то весело перемигнулись, и решила, что будет лучше, если я займу место рядом с Ксюхой, отрезав тем самым Антонову от гламурной парочки.

Выступление задерживалось. Я уже успела познакомиться Сюзи и Светку, мы немного обсудили погоду, которая обещала быть в ближайшие дни, согласно прогнозам, безрадостной, тут Антонова ввернула, что природные катаклизмы ее не волнуют, ведь она собирается с мужем на недельку в Европу, а Сюзи, тяжело вздохнув, сказала:

– Везёт же, а мой опять меня бросает.

– В смысле? – поинтересовалась я.

– Её бойфренд отправляется в командировку, – ввернула Ксюха. – Вот Сюзи и грустила. Поэтому я решила её на Гришкино выступление пригласить. Уж не знаю, насколько это поднимет ей настроение...

– Да ладно, Ксень, – отмахнулась Сюзи, – всё не так уж и плохо.

В этот момент освещение в зале сделалось мягче, и лучи двух прожекторов сосредоточились на некой точке посреди сцены.

– Ба! – воскликнула Антонова. – Прямо по-настоящему.

Восторг Антоновой длился недолго. Сначала на сцену вы-

шла некая дама, которая поприветствовала публику, пропела дифирамбы участникам мероприятия и после всего этого удалилась. Её сменил некий поэт-песенник, который вышел с гитарой и пюпитром. Когда он стал рассказывать о своей нелегкой творческой судьбе, Антонова бессовестным образом захрапела мне в самое ухо. Я больно ткнула ее локтем, а Ксюха наградила её негодующим взглядом. Сюзи чересчур громко рассмеялась, и негодующий взгляд Ксюхи переместился с Антоновой на неё.

На смену гитаристу пришёл военный поэт, который с большим воодушевлением рассказал о горячих точках последних десятилетий, в которых ему довелось побывать, и поделился воспоминаниями, ставшими основой его творчества. Наученная горьким опытом Антонова на этот раз решила не откидываться назад, чтобы не дай бог не храпануть в самый ответственный момент, а подалась вперед, с умным видом подперев свой могучий лоб. Впрочем, лишние килограммы, набранные ею за последнюю пару недель, не позволили ей удержаться в кресле, и Антонова с грохотом повалилась на маячившее перед её носом кресло переднего ряда. Ксюха в отчаянии закатила глаза, а Сюзи от еле сдерживаемого смеха превратилась в перезрелый помидор, готовый прыснуть в любую минуту.

В конце концов, на сцену вышел Гришка. Антонова приободрилась. Размазав по щекам осыпавшуюся тушь, она показала пальцем на моего суженого и громким шепотом ска-

зала:

– Смотри, Майка, он башку гелем обмазал, – после чего беззвучно заржала.

– На себя посмотри, – одними губами прошептала Ксюха, – на новогоднюю ёлку похожа.

Но Антонова её, увы, услышала.

– Кто это тут новогодняя ёлка? – возмутилась Светка. – Зато я не вырядилась в платье школьницы с косичкой на боку.

– Между прочим, так одевается Джессика Альба – икона стиля и общепризнанная модница, – вступилась за подругу Сюзанна.

– Ах, Джессика Альба, – зловеще протянула Антонова. – Знаю я эту вульгарную актрисульку с лицом божьего ангела и помыслами распутной девки. Кажется, она славится своей откровенной тупостью и уровнем интеллекта восьмилетнего ребёнка.

– То есть я, по-твоему, тупая? – сдержанно поинтересовалась Ксения, напугав меня своим подозрительным хладнокровием.

– Я этого не сказала, – уклончиво ответила Антонова.

– Девочки-девочки, успокойтесь, – поспешила вмешаться я.

Ксюха и Светка на мгновение заткнулись, и мы все четко услышали Гришкин голос:

– А сейчас мне хочется пригласить на сцену мою музу,

мою идейную вдохновительницу и женщину, которая открыла во мне поэта. Майя, выходи к нам.

Я оцепенела. Мои подружки, ещё секунду назад готовые вцепиться в горло друг другу, с поразительной согласованностью выдернули меня из уютного кресла и волшебным пинком отослали к сцене. Я нерешительно поднялась и побыстрее прижалась к Гришке. Что происходило дальше – помню смутно. Кажется, Гришка что-то говорил, а я беспорядочно кивала и улыбалась. Потом чей-то голос в зале прошелестел едва слышно:

– Как она прониклась его стихами! Буквально ловит каждый звук!..

Свет беспощадно слепил глаза. Сидящих в зале я не видела, зато они меня видели прекрасно и обсуждать не стеснялись, пусть даже и шёпотом. Чувствуя себя микробом на предметном стекле микроскопа, я жалась и мялась, не понимая, куда смотреть и что делать. А вот Гришка на сцене ориентировался превосходно. Наличие публики его нисколько не смущало, скорее наоборот – вдохновляло. Голос моего поэта звучал уверенно и громко, Гришка жестикулировал, зывал к аудитории, и та, кажется, ему отвечала.

Очнулась я уже в буфете в компании Гришки, Антоновой, Ксюхи и Сюзи. На круглом столе, за которым мы сидели, красовалась бутылка красного вина, бутерброды с сёмгой и пирожные.

– Ты был на высоте, – обратилась Ксюха к брату, и я поня-

ла, что она говорит искренне. Видимо, выступление Гришки действительно произвело на неё впечатление.

– Спасибо, сестрёнка, я знал, что рано или поздно, но ты разглядишь во мне маленькую звёздочку.

Антонова скептически ухмыльнулась и вгрызлась зубами в пирожное.

– Я думаю, эта звёздочка может превратиться в солнышко, – лукаво улыбнулась Сюзи, и я почему-то занервничала.

– Спасибо, Сюзанна, – смутился пока ещё мой Есенин, а я занервничала ещё больше. – Очень рад, что вам понравилось.

– Гриша, вы были гвоздём программы, – не унималась Сюзанна, а я, чтобы совсем не растерять остатки самообладания, хлебнула из бокала и невзначай заметила:

– По-моему, выступление того вояки с гитарой было тоже весьма неплохо.

– С гитарой выступал поэт-песенник, а вояка, как ты его назвала, читал свои произведения без аккомпанемента, – сухо заметил Гришка.

Антонова против воли прыснула и поперхнулась пирожным. Я залилась краской и злобно пихнула Светку в бок. Она икнула и немедленно перестала кашлять.

– А вообще-то Майя права, – внезапно поддержала меня Сюзи. – Насчёт музыкального сопровождения. Песни, на мой взгляд, как-то легче воспринимаются зрителем.

– Слушателем, – не к месту поправила я, выдавая тем са-

мым свою внутреннюю неприязнь к приторно сладкой Сюзанне.

Моя ремарка осталась никем не замеченной.

– Пожалуй, да, – нехотя согласился Гришка. – Я мог бы, конечно, тоже выступить с гитарой, но мои навыки...

– А не обязательно гитара, – перебила его Сюзи. – Можно выбрать фортепьяно.

– Ну, с этим у меня совсем неважно, – рассмеялся Гришка.

– Не хочу хвастать, – игриво потупилась Сюзи, – но я играю на фортепьяно очень даже неплохо.

– С такими-то когтями? – безо всякой запинки выдала Антонова, покосившись на маникюр Сюзанны. Ксюха обречённо закатила глаза, а Сюзи, вежливо улыбнувшись, ответила:

– Можно сделать красивый маникюр и на коротких ногтях, ради такого дела я готова пойти на любые жертвы, – и она перевела свой лучезарный взгляд на зардевшегося Есенина.

«Ты гляди-ка, – прокричал взор Антоновой, направленный в мою сторону. – Из-под носа писаку уведят!»

Руки мои непроизвольно сжались в кулаки. Я спрятала их под столом, не желая выставлять напоказ свои истинные чувства. Ещё совсем недавно мы с девочками хотели пробудить ревность в моем Есенине, но Сюзи, кажется, забыла о нашем договоре и теперь делала всё возможное, чтобы вызвать ревность у меня.

– Мне кажется, это слишком хлопотное дело, – вмешалась в разговор Ксения. – Репетиции займут уйму времени...

– У меня сейчас времени валом, – перебила подругу Сюзи, – если мой благоверный умчит в командировку, то я почти неделю буду слоняться без дела.

– Зато у Гриши есть дела, – не уступала Ксюха, и я поняла, что ей так же, как и мне, не по душе непонятно с чего возникшая симпатия между Сюзанной и Гришкой. – Так ведь, братец? – Ксюха пристально посмотрела на Гришку. – Ты со всеми своими выступлениями и творческими вечерами немного затормозил сдачу текущего проекта. Клиент уже нервничает.

– Да-да, – согласился Гришка, а я подумала, что это даже неплохо, что младший Кириленко работает под руководством своей сестры.

– Очень жаль, – протянула Сюзи. – Но после сдачи проекта, возможно, у вас появится время...

– Возможно, – ответила Ксюха за брата.

– Извините, ребята, – подала голос я, порядком устав от щекотливых разговоров, – время уже позднее, а у меня сын...

– Гриша, ты можешь отвезти Майю, а я подброшу Сюзи и Свету, – Ксюха лучезарно улыбнулась и так посмотрела на мою подругу, что та заметно смутилась.

– Я, пожалуй, на такси, – пробормотала Светка.

– Ну и ладненько, – обрадовалась Ксюха. – Сюзи, идём? –

она потянула подругу за рукав.

– Да, – неохотно согласилась та и наградила моего Есенина ласковой улыбкой, – спасибо за приятный вечер.

VI

Глеба я собирала в спешке и суете. А всё потому, что ноль часов двадцать минут дня сегодняшнего отнесла к полуночи дня следующего. Поэтому, когда Антонова позвонила и напомнила, что сегодня ночью у них поезд, я с ужасом посмотрела на календарь и опрометью кинулась собирать чемодан сына.

Вообще-то я лукавлю. Вещей у Глеба было мало, просто подготовка к отъезду давала мне возможность окончательно свыкнуться с мыслью, что целых десять дней я проведу без ребёнка. Это казалось неестественным. За всю свою жизнь я расставалась с Глебом всего несколько раз, и то ненадолго. А тут больше, чем на неделю, да плюс еще другая страна и сомнительная Антонова в качестве няньки. Признаюсь честно, если бы Светка ехала без мужа, я бы Глеба ни за что не отпустила, а вот Игорьку я почему-то доверяла.

В разгар сборов раздался телефонный звонок. Это была Ксюха. Она приглашала меня на семейный ужин, который устраивала сегодня вечером в своем доме.

– Послушай, Ксюш, я не могу, – быстро отказалась я. – У меня Глеб сегодня уезжает. В полночь везу его на вокзал, а завтра вечером у него самолет.

– Так вроде же он едет с твоей Светкой, разве она не справится?

– Никогда не поверю, чтобы ты безропотно доверила свою дочь подруге, в то время как можешь всё сделать сама, – воззвала я к материнским чувствам Ксюхи.

– Ладно, – быстро сдалась она, – звучит убедительно. Ну, тогда давай завтра. Глеб уже будет в аэропорту или даже в самолете, ты же не собираешься провожать его напрямик до Италии?

– Не смешно, – сухо ответила я.

– Не обижайся, просто у нас тут реально важное событие намечается, и заметь: мамы на моём ужине не будет.

Это она кстати добавила. Отношения с госпожой Кириленко не задались у нас с самого начала. По её мнению, я Гришке не пара. Неперспективная мать-одиночка с финансовыми трудностями в придачу. Я бы от такого богатства тоже нос заворотила.

– Всё, жду тебя завтра, – прервала ход моих мыслей Ксюха. – Часов в шесть приезжай, помнишь, где я живу?

– Помню, – хмуро ответила я.

– Обещаю, завтра живо подниму тебе настроение. А то оно у тебя, похоже, совсем на нуле.

– Надеюсь, Сюзи не приглашена на твой семейный ужин, – против воли вырвалось у меня.

– Да-а, – протянула Ксюха. – С Сюзанной вышло как-то не очень. Я ей, конечно, намекнула, что нельзя так себя вести, тем более в присутствии пассии молодого человека и тем более, если этот молодой человек – мой брат. Но не обращай

внимания. Сюзю без ума от своего юриста, просто флирт у неё в крови, не может себя перебороть. А вот ты... – Ксюха замаялась, а я немедленно насторожилась.

– Что – я?

– Ты могла бы быть чуть помягче с моим братом. Ну, нравится ему писать стихи, что здесь плохого? А ведь ты совсем его не хвалишь, в то время как он посвятил тебе немало своих стихов. А я вот уверена, что ты не прочла ни одного.

– Ладно, Ксень, – я решила поскорее свернуть разговор, почувствовав, что камень в мой огород полетел не напрасно, – обсудим всё завтра, сейчас очень занята, – и я с облегчением опустила трубку на рычаг.

Глеб искоса наблюдал за мной, умудряясь одновременно смотреть телевизор и подслушивать телефонный разговор.

– Что, мать, на горизонте соперница? – будто бы невзначай спросил сын.

– Ты о чем?

– О Сюзанне.

– Откуда, Глеб?

– Что – «откуда»? Откуда знаю? Ну, во-первых, ты только что трепалась об этом с тётёй Ксюшей, а потом Светка...

– Антонова тебе что-то говорила о Сюзанне? – я немедленно упала духом. Мне не хотелось, чтобы сын и подруга обсуждали моё очередное поражение. Мало мне было насмешек после несостоявшегося предложения руки и сердца, так теперь еще на моего нерешительного поэта положила глаз

очень даже решительная Сюзи, обеспеченная, уверенная в себе, красивая и к тому же не обременённая внебрачными детьми.

– Не переживай, мам, – махнул рукой Глеб. – Найдёшь другого. Может, это и хорошо, что у тебя соперница появилась.

– Глеб, а не ты ли ещё совсем недавно был уверен в том, что я выйду замуж за Гришку, он тебя усыновит, и мы в кои-то веки сменим фамилию Козловы на Кириленко?

– Да ладно, чёрт с ней, с этой фамилией, – бросил Глеб и, выключив телевизор, исчез на кухне.

Я в полной растерянности поспешила за ним. Растерянность моя была вызвана неожиданной репликой Глеба. Дело в том, что мой сын так отчаянно мечтал об отце, что теперь слышать подобные слова, да еще и о Гришке, с которым у него сложились весьма неплохие отношения, было очень странно.

– Глеб, вы поругались с Гришей?

– С чего ты взяла? – удивился сын. Он распахнул холодильник, окинул его содержимое разочарованным взглядом и обиженно хлопнул дверцей.

– Ты хочешь есть?

– Очень, – признался Глеб. – Почему-то все думают, что сын поварихи всегда сытый, а у нас в холодильнике только кислое молоко и банка бабушкиного варенья!

– Погоди-ка, – я кинулась к своей сумке, из которой из-

влекла вчерашние пирожки с капустой. Протянув пакет со съестным Глебу, я вернула сына к разговору.

– Так что у вас с Гришкой вышло?

– Да ничего, – пожал плечами сын, от жадности заглотив два пирожка одновременно. – Я уже сто лет его не видел.

И тут все встало на свои места. Теперь мне было понятно это напускное безразличие Глеба. Гришка просто перестал обращать внимание на моего сына. С появлением этого злополучного сборника стихов он полностью погрузился в мир писательства, обзавелся новыми знакомыми и новыми интересами, даже на работе у моего благоверного появились проблемы, несмотря на то, что его тылы всегда прикрывала Ксюха. Что уж говорить о моём сыне? До него Гришке теперь и дела не было. А ведь раньше он проводил с Глебом целые выходные. Мы часто гуляли в парке, зимой катались на лыжах и коньках, даже пару раз в кино вместе ходили. А за последний месяц... ничего. Неудивительно, что Глеб за-таил обиду.

Мне стало жаль сына.

– Глебчик, не переживай, всё будет хорошо.

Глеб кивнул и закашлялся. Не рассчитав свои возможности, он не смог совладать с двумя пирожками одновременно. Слезы брызнули из его глаз, а каша из капусты и теста повалила из растянувшегося во все стороны рта.

Бедный, бедный Глеб. Голодный, несчастный и разочарованный в очередном несостоявшемся папе.

Вечером прибыла Антонова. Я передала умытого, наглаженного и зацелованного вдоль и поперек сына в её неблагодарные, но любящие руки, и, махнув им на прощание, отправилась на кухню, чтобы успокоить себя чашкой зелёного чая и подумать о том, как изменить свою жизнь и жизнь сына к лучшему.

VII

Меня ожидала беспокойная ночь. Непривычно было оставаться дома одной. Я бродила из угла в угол, представляла, как хорошо будет Глебу за границей, думала о грядущем ужине в доме Ксюхи. Гришкина сестра определённо что-то замышляла. Удивительно, но обе мои подруги постоянно вмешиваются в мою жизнь, планируют её на свой лад, искренне веря, что делают для меня нечто хорошее. Правда, моё мнение их не всегда интересует. Представляю, как достаётся мужьям моих властных и всё контролирующих подруг. Антонова, насколько мне известно, даже иногда вмешивается в бизнес своего мужа, что не может ему нравиться, но с чем он кое-как мирится. Насчёт Серёжи я не слишком уверена, потому что мало о нём знаю. Может, Ксюха каким-то образом и посягает на бизнес Сергея, но у неё есть свой собственный, который она успешно развивает, насильно втягивая в свой строительный проект нерадивого брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.